

Итак, не приходится сомневаться в том, что наша графика сделала очень большой шаг вперед как в смысле своей технической демократизации (гравюра на дереве и линолеуме, литография), так и революционирования своей тематики.

Было время, когда гравюра существовала лишь для узкого круга любителей, „собирателей эстампов“; затем круг этот пополнился библиофилами, ценителями красивой книги и заказчиками экслибрисов (книжных знаков). Наконец, с проникновением ксилографии в полиграфию потребителем гравюры стал и более или менее рядовой читатель. И, однако, было бы „фразой“ утверждение, что подлинная художественная графика и в частности гравюра уже завоевали нашу массовую книгу. Лучшие произведения нашей гравюры и литографии — это альбомы, сюиты, совсем недоступные массовому потребителю. Что же касается искусства книги, то, достигнув отличных качеств в небольшом ряде изданий как Госиздата, так и в особенности частных издательств: „Аквилон“, „Петрополис“, „Алконост“, которые лопнули, не найдя широкого покупателя, художественная графика в настоящее время сохранилась у нас лишь в области обложек и иллюстраций детских книг.

Говорить же о подлинно-художественной иллюстрации советской массовой книги можно сейчас лишь с очень большой натяжкой. Проблема создания такой массовой художественно-оформленной книги — еще вся впереди; она будет разрешена только тогда, когда улучшится наша хозяйственная, издательская конъюнктура и... повысится вкус наших издательств.

Этот далеко не оптимистический вывод не укрылся и от редактора книги „Мастера современной гравюры и графики“ В. П. Полонского.¹ „Гравюра и графика, — говорит он, — имеют все данные, чтобы сделаться организаторами, агитаторами и пропагандистами подлинного демократического искусства. Текстильная промышленность, обойные фабрики, Нарком-

¹ Иллюстрацией этого является и сама книга „Мастера современной гравюры и графики“, выпущенная почему-то Госиздатом, по высокой цене — десять рублей, несмотря на то, что в ней старые клише.

почтель, Наркомфин, издательская промышленность, табачная, пищевкусовая и т. д. и т. д. — необозримые области, в какие должно устремиться искусство, чтобы вытеснить пошлятину, поднять художественный уровень, ликвидировать художественную безграмотность". И на вопрос, много ли делается у нас в этой области? — он справедливо отвечает: „Не будем хвастать: маловато"... „Наши художники не принимают участия в украшении массовых предметов быта, а именно здесь открываются широкие возможности граверам и графикам. Они не завоевали даже типографской промышленности. Они не занимают должного места в продукции наших издательств. Искусство гравюры влачит жалкое существование, не имея возможности прорваться и пробиться к потребителю, правда, пока весьма ограниченному. И мы стоим перед опасностью постепенного замирания этого искусства, если политика наших издательств не придет ему на помощь“.

Для того, чтобы понять, насколько справедлив этот призыв к „популяризации искусства графики“, к ее поддержке и всестороннему использованию, следует только сравнить эти две области, между которыми у нас действительно зияющая пропасть. С одной стороны, мы имеем такие вершины нашего искусства графики и гравюры, как большие альбомы „Петербург в 1921 г.“ Добужинского, „Индия“ Ватагина, „16 автолитографий“ Кустодиева, „Крымская сюита“ Нивинского и т. д., или такие жемчужины графики, такие изысканнейшие миниатюрные книжечки, как „Сверчок на печи“ Кравченко, а с другой стороны — такие... низины искусства для „простого народа“, как плакаты и лубки АХРР'а и даже Госиздата (уж не говоря о „художественных“ изданиях других ведомств, как Наркомздрав, Наркомзем)!

Наш плакат, пережив полосу своего неожиданного расцвета, и идейного и художественного, в самые тяжелые годы военного коммунизма, начиная с наступления нэпа, упал как в том, так и в другом отношении. Некоторым исключением является специфический участок кино-плаката — хотя и тут немногие хорошие образцы, вроде работ бр. Стенберг, Альтмана, Лавинского, Акимова, тонут в разливном море халтуры, дешевки, псевдо-европейского „шика“ и проч. В то время как в первые революционные годы наш плакат выходил из рук первоклассных художников-графиков (Лебедев, Нивинский, Моор, Купреянов, Черемных, Масютин и др.), последние в настоящее время бойкотируют его или, вернее, бойкотируются нашими издательствами.

Что касается наших массовых лубков, то они в массе своей ничем не лучше, а в ряде случаев и хуже сытинских лубков „доброе времени“. Вся разница лишь в том, что там

фигурировали казаки Кузьмы Крючковы, а здесь фигурируют красные кавалеристы. Между тем, удалось же даже и частнику Кнебелю выпустить в свое время серию стенных картин, созданных Добужинским, Серовым, Лансере, Кардовским, — отчего же в наши дни подлинные художники не привлекаются к созданию лубков, социальная значимость которых неимоверно повысилась по сравнению с прошлым? Ведь советский лубок — это стенная картина и для мест общественного быта и для жилища рабочего и крестьянина. Почему же наши графики, граверы и литографы не привлекаются к этой важной культурной задаче? Объяснять это тем, что они не умеют творить для масс — не приходится, ведь вот сумели же Аксельрод и Шпинель сделать отличные громадные гравюры „1905 год“ и „Смычка“ (линолеум и дерево), оставшиеся никем не использованными. Наконец, что значит, не умеют? Научатся! — если их к этому делу привлекут. Но привлекают художников третьего сорта и даже типичных станковистов-живописцев потому, что... им можно мало платить, а эти третьестепенные „оригиналы“ еще более искажаются в литографии (ибо никакой увязки между художником и литографом не имеется).

Все это относится и к нашим календарным стенкам; раньше в этой области не „брезгали“ работать А. Бенуа, Сомов, Билибин, Кустодиев, теперь украшения многомиллионных календарей... вообще по ту сторону всякой критики. А что сказать о самой демократической области приложения искусства — папиросных коробках или — в особенности — о карамельных упаковках и обертках? Здесь в большинстве случаев нет даже и стыдливой видимости „советизации“, а просто-напросто повторение традиционных женских головок, Пьеро и Коломбин, целующихся молодоженов и проч. заграничной мещанской пошлятины.¹

Итак, перед нами картина разительного контраста: с одной стороны, „расцвет“ чистой графики, которым мы справедливо козыряем перед буржуазной Европой на всех наших заграничных выставках, а с другой стороны — почти полная неизвестность этой самой графики нашему собственному широкому читателю-потребителю и засиле халтуры по всем линиям массовой художественной полиграфии (как пла-

¹ Справедливость заставляет, впрочем, отметить, что на графическом факультете Лен. Академии устраиваются конкурсы эскизов, плакатов, этикеток и т. д., и здесь можно отметить работы Бесшапова, Хижинского и др., но, пожалуй, единственным уголком промышленности, в котором использованы были до сих пор настоящие наши художественные силы, явилась фарфоровая промышленность, в частности, Лен. фарфоровый (б. императорского) завод. Здесь работала целая плеяда художников во главе с Чехониным. Но как раз чисто графический стиль не совсем отвечает характеру фарфоровой росписи.

кат, лубок, картонаж). Картина мало утешительная и совсем не отвечающая интересам культурной революции, интересам окультурения нашего быта!

Более того, — положение вещей совсем не соответствующее идеологии социалистического государства, с точки зрения которой не должно быть различия между „высшим“ и „низшим“, „чистым“ и „прикладным“ искусствами. Строго говоря, художественная обертка для нас важнее по своему воздействию на вкус широких масс, нежели самая архихудожественная сюита гравюр, могущая красоваться лишь на столе любителя-интеллигента.

Нельзя не указать также и на качество рисунков в наших еженедельных журналах и особенно журналах сатирических. Мы видим здесь, также как и в других областях искусства полиграфии, „неувязку“ с подлинной графикой. У нас образовалась замкнутая группа художников спецов по „журнальной части“, монополизировавших дело иллюстрации в своих руках и хотя и способных „срочно“ откликаться на злобу дня, но... весьма далеких от подлинной графики. А между тем читателю этих журналов из номера в номер упорно преподносят все те же имена с их заштампованным стилем. И опять-таки получается парадокс: графика — графикой, а иллюстрация — иллюстрацией. Надо расширить узкий круг журнальных художников — вовлечь в журналы лучшие имена нашей графики, приучить их откликаться на общественные темы. Ведь сумели же в свое время в сатирических журналах 1905 г. откликнуться на них даже „мирискусники“, как Добужинский, Лансере, Кустодиев и др.

Всей этой неувязке не должно быть места. Большой, высококвалифицированный и богато-одаренный отряд наших графиков, выросших за последние годы, должен быть, наконец, призван к производственной социально-значимой работе — к работе над оформлением массовой книги, плаката, лубка, обертки, обоев и т. д.

Наша гравюра, действителано блестящая по своей технике и внутренней насыщенности, не должна выродиться в нечто самодовлеющее, в станковый „эстамп“. Ее ждут запросы самой жизни. И над этими запросами пора уже серьезно призадуматься нашим издательствам.